

Практика двусторонних отношений включает в себя проведение двусторонних диалогов по правам человека. Диалоги проводятся, как правило, между представителями исполнительных ветвей власти. Так, например, США ведут диалоги с Китаем, Вьетнамом, рядом других стран. В 2015 г. начат диалог по правам человека между США и Беларусью. ЕС ведет диалоги с 40 государствами, консультации по правам человека — с рядом государств, включая Канаду, Японию, США, а также почти со всеми 79 государствами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана по статье 8 Соглашения Котону. Диалог между ЕС и Беларусью возобновлен в 2015 году. ЕС ведет правочеловеческие диалоги не только с отдельными государствами, но и международными организациями: Африканским союзом, Организацией Американских государств (ОАГ), Организацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Лигой арабских государств (ЛАГ) и Организацией Исламского сотрудничества (ОИС).

Диалоги ведутся на основании двусторонних договоренностей, а также возможных внутренних документов сторон, как, например, Руководящие указания ЕС по диалогам по правам человека с третьими странами (2001).

Диалоги ведутся не только между «критикующими» и «критикуемыми» государствами, но и между единомышленниками: Гарвардский университет и Совет Европы инициировали диалог между США и Европой, аналитические центры Атлантического совет» (США) и «Четам хаус» (Великобритания) в 2011 г. инициировали обсуждение подходов к правам человека третьих государств.

Одним из важных вопросов является, с учетом соблюдения приоритетов диалога, к которым относится развитие сотрудничества в области уважения и защиты прав человека, сохранение равенства сторон и уважение суверенитета.

С учетом обсуждения в рамках диалогов ситуации в области прав человека в государствах обеих сторон, возможности сближения позиций по сложным вопросам двусторонних отношений за счет диалога, а не ограничительных мер принудительного характера, диалоги по правам человека являются действенным инструментом улучшения международных отношений в дополнение к механизмам международных договорных органов, который при соблюдении сторонами мандатов на ведение диалога не нарушает принципа невмешательства во внутренние дела государства, соответствует принципу суверенного равенства государств и способствует продвижению принципа уважения и защиты прав человека.

ФОРМИРОВАНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: *UBI FEMINAE*

Кузнецова Е. В., Белорусский государственный университет

Постмодернистские (критические) теории международного права уделяют особое внимание анализу его языка. Одной из основных мишеней такой критики становится процесс формирования права, т. е. выражения во внешней форме идей о должном поведении субъектов международного права, а также его толкования, т. е. попытки уяснения смысла этих идей.

Методологически критические теории международного права во многом опираются на социологию и антропологию права. К сожалению, анализ социального контекста существования международного права как особого социального института — практически отсутствует в русскоязычной доктрине. В то же время в западной критической теории деконструкция «языка международного права» проводится с разных позиций.

Так, например, Д. Кеннеди и М. Коскенниemi анализируют структурные факторы, влияющие на образование и работу юристов-международников, чьи часто неосознанные стереотипы и мировоззренческие установки находят выражение в международно-правовых нормах. Р. Фалк, Э. Энги показывают, как устоявшаяся международно-правовая терминология способствует воспроизводству отношений колониализма. Нароботан также обширный корпус феминистских подходов к международному праву, первичное обобщение которого сделали Х. Чарльсворт, К. Чинкин и Ш. Райт в своей знаменитой статье в Американском журнале международного права 1991 г. Важным направлением феминистской критики является то, насколько язык международного права отражает позицию мужского доминирования и не замечает «женского вопроса».

В действующем международном праве закреплены нормы, призванные обеспечить участие женщин в принятии решений на национальном и международном уровне (см., напр., ст.ст. 7—8 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.) В то же время анализ гендерного состава институций, вовлеченных в процесс формирования и толкования норм международного права, показывает серьезную недопредставленность женщин.

Неоспорима особая роль и влияние Международного Суда ООН на развитие международного права. При этом в доктрине признание значительного вклада Суда в толкование норм международного права редко сопровождается анализом персонального состава Суда, того какие конкретно люди с каким личным опытом и стереотипами формируют международное право. В отличие от уставов международных судебных учреждений, созданных в новейшее время (например, Международного уголовного суда), Статут Международного Суда ООН не содержит требования соблюдения гендерного баланса и обеспечения гендерного представительства. Даже факт председательства Розалин Хиггинс в 2006—2009 гг. недостаточен, чтобы говорить о паритетности в гендерном представительстве в Международном Суде ООН: сегодня там всего 3 судьи-женщины.

Еще один важный орган, вносящий значительный вклад в то, чем является современное международное право, — Комиссия международного права (далее — КМП). В нынешнем составе КМП из 34 членов лишь 4 женщины, так как в отличие от изначально закрепленного требования справедливого представительства основных правовых систем, критерий справедливого гендерного представительства при формировании КМП отсутствует. Но если внесение изменений и дополнений в Статут Международного Суда ООН — сложный, длительный и политически-сенситивный процесс, то изменения в Статут КМП реализуются на уровне резолюций Генеральной Ассамблеи ООН.

Не менее важная роль в создании международного права принадлежит национальным министерствам иностранных дел, которые формируют позиции государств, обсуждают эти позиции, обеспечивают согласование воли с други-

ми государствами, в результате чего возникают международно-правовые нормы. Примечательно, что анализ состава дипломатического корпуса, представляющего, например, Республику Беларусь, совершенно явственно отражает недостаток женских голосов. А уж если мы посмотрим на центральный аппарат Министерства иностранных дел (далее — МИД Беларуси), то женщин на должностях, влияющих на принятие решений, практически нет. Особое сожаление вызывает озвучиваемая в кулуарах многими представителями МИД Беларуси позиция: «у нас сложная работа, связанная с командировками; мы женщин предпочитаем не брать».

Принятая в 2015 г. резолюция *A/RES/70/1* «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» среди целей устойчивого развития указывает достижение гендерного равенства к 2030 г., в частности «Женщины и девочки должны пользоваться равным доступом к... возможностям участия в политической жизни, а также иметь равные с мужчинами и мальчиками возможности в плане занятости, выступления в роли лидера и принятия решений на всех уровнях».

Чтобы получить гендерно-сенситивное международное право, следует начать с представленности женщин в институтах, международно-правовые нормы создающих и интерпретирующих. Закрепив на бумаге такую цель, сама ООН не торопится ее реализовывать (из назначенных в 2015 г. 24 заместителей Генерального секретаря ООН — лишь 2 женщины). Представляется важным конкретизировать обязательство по обеспечению доступа женщин к принятию решений в области международного права, в частности, дополнить Статут Международного Суда ООН и Статут КМП нормой о справедливом гендерном представительстве в составе этих органов и включить обязательство государств отчитываться по гендерной статистике в органах внешних сношений в рамках универсального периодического обзора.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ УСЛУГАМИ В РАМКАХ ЕАЭС И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Лепешков Ю. А., Белорусский государственный университет

Республика Беларусь — учредитель и активный участник нескольких межгосударственных объединений, созданных и функционирующих на постсоветском пространстве. В их числе — ЕАЭС, одна из основных целей которого — стремление входящих в него стран к «формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза» (ст. 4 Договора о ЕАЭС 2014 г. (далее — Договор)). Среди ключевых приоритетов участия Беларуси в ЕАЭС, рассматривающей его «в качестве важнейшего интеграционного объединения», — «содействие продвижению четырех основополагающих свобод Союза», «максимальная либерализация условий экономической деятельности в рамках ЕАЭС», «развитие интеграционных процессов в сфере услуг».